Н.В. Боронникова (Пермь), Е.В. Верижникова (Москва)

Фатическая функция междометий в македонском языке
(на примере междометий *море*, *мори*)

Классификация междометий может быть построена на различных основаниях: в зависимости от происхождения единицы, ее знаковой природы, формы, семантики, функций в структуре речевого акта. Мы вслед за Ф. Амекой остановились на функционально-прагматическом подходе. Ф. Амека выделяет экспрессивные, конативные и фатические междометия (Ameka 1992: 113). Предложенный Ф. Амекой подход кажется весьма плодотворным, однако исследователь останавливается лишь на трех функциях из шести в известной классификации Р.О. Якобсона (Якобсон 1975). Мы сочли возможным использовать при классификации междометий все шесть функций, выделяемых Якобсоном и соотносимых с компонентами речевого акта. По ведущей функции в тексте выделяются следующие виды междометий: 1) экспрессивная функция: эмотивы, когнитивы; 2) конативная функция: императивные, вокативные, подзывные-отгонные слова; 3) фатическая функция: контактивные, хезитационные; 4) квазиреферентивная функция: звукоподражательные, глагольные интеръективы; 5) метаязыковая функция: имитация кода; 6) поэтическая функция: запевы, рефрены (см. Боронникова, Верижникова, в печати; 2013).

Фатические междометия используются для установления и поддержания контакта в процессе коммуникации. К ним относятся вокализации, выражающие отношение говорящего к контакту, в частности, сигналы поддержки обратной связи, сигналы временного затруднения в порождении речи (хезитация) и т.п. В статье мы будем рассматривать фатические единицы контактивного характера.

Одну из специфических групп единиц для установления и поддержания контакта в македонском языке представляют общебалканские лексемы типа **море** (термин Ю.С. Карпенчук). Эти единицы входят в набор специальных контактоустанавливающих и контактоподдерживающих средств, которые Я. Матрас называет модификаторами высказывания (‘utterance modifiers’) (Matras 1998: 281). В условиях многоязычия эти единицы обеспечивают понимание между коммуникантами. Так, Т.В. Цивьян отмечает, что в балканских языках выделяются особые фатические аграмматические элементы, нацеленные на установление и проверку контакта, выделение значимых элементов сообщения (Цивьян 1979). Они играют роль своего рода «дейктических обращений» и в этой своей роли характеризуют адресата и адресанта в частности в рамках «этикетных оппозиций» (*мужской/женский*, *старший/младший*, *высокий/низкий* – в социальном смысле, *свой/чужой*

и т.п.), т.е. в рамках того, к кому кто и как может обратиться в данной ситуации (Цивьян 2005: 140).

Работ, предметом которых были бы контактные междометия в македонском языке, нет. Единственное известное нам специальное исследование, посвященное этим элементам в балканских языках, – диссертация Ю.С. Карпенчук «Слова типа *more* в функции обращения как проблема балканского языкознания: На материале албанского и новогреческого языков» (Санкт-Петербург, 2001). Как видно из названия, автор рассматривает лексемы контактного типа в единственной функции – функции вокатива, однако употребляются они и в других синтаксических позициях и с иными целями. Кроме того, все контактивные единицы в диссертации, несмотря на их разнообразие в албанском (11 единиц) и новогреческом языках (56 единиц), объединяются под общим названием ‘слова типа **море**’, что кажется не совсем удачным. В теоретической части исследования автор делает обзор грамматик ряда балканских и славянских языков, выявляя репертуар контактивов. По материалам грамматик македонского языка Ю.С. Карпенчук выделяет 7 контактивов (в перечне отсутствует **бе**), но в качестве отдельных единиц включены некоторые позиционные и диалектные варианты (см. Карпенчук 2001: 47–48). Единственное семантическое различие между фатическими единицами автор видит в дифференциации по полу (не совсем адекватно сформулированное для македонского языка), в остальном создается впечатление, что они абсолютно равноценны, однако в реальности, по крайней мере, в македонском языке, ситуация гораздо сложнее.

Репертуар фатических лексем в македонском языке довольно богат. Сюда входят следующие единицы, имеющие варианты, зафиксированные в словарях (ЗМ; РМНП; РСХТ; ИМJ), отмеченные в исследовании М. Аргировского (Аргировски 1998: 81–82; 188) и представленные в базе к Словарю междометий (Боронникова, Верижникова 2013): **море** (**маре** *диал*., **мор**, **мар** *диал*., **ор** *диал*.), **мори** (**мари** *диал*., **мор, мар**, **ори** *диал*., **ор** *диал*.), **бре** (**брej**, **вре** *диал*., **ре** *диал*., **абре** (*инициальная позиция*)), **бе** (**абе** (*инициальная позиция*)), **ма**. Примыкают к ним «опустошенные» семантически лексемы **брате, човече, душо, цанам, сестро, сине** и др., встречающиеся в позиции вокатива.

Частое употребление подобной лексики в вокативе способствует ее интеръективации. Так, И.Б. Качинская в диссертации, посвященной связи терминов родства и языковой картины мира, показывает, какие стадии проходит полнозначная единица на пути превращения в междометие. Например, лексема **батюшка** первоначально указывала на отца; далее она меняет референт и употребляется по отношению к старшему родственнику (например, свекру); лицу мужского пола, старшему по возрасту; лицу мужского пола любого возраста, в том числе и ребенку; группе лиц (**батюшки**) и т.п. Подобное изменение

референтного употребления в македонском языке мы можем наблюдать на примере вокатива **сине** ‘сынок, сыночек’, значение которого расширяется, обозначая ребенка любого пола, – ‘детка, деточка’: *Во тој миг ѕазвони телефонот. Чекам да ѕазвони уште два пати. Дури тогаш ја кревам слушалката. Ало, ало,* ***Дина****?* ***Диночка****, ало? Да, јас сум. Што не се јавуваш,* ***дете****? Па, како не се јавувам! Еве сум! Не бев во дневната, затоа. Бев на балконот. Кажи сега,* ***сине****, како е станот?* (**К. Колбе. Снегот во Казабланка**).

Конечная стадия – нереферентное употребление единицы, передающее эмоции говорящего (**батюшки**!) (см. Качинская 2011: 257). В македонском переход от референтного к нереферентному употреблению термина родства **мајка** ‘мать’ прослеживается в следующих примерах:

– По два дни минати кај свекрва ми, без да нѐ погоди бомба, се вратив дома на италијанска територија да го земам остатокот од храната. Над глава ми фрчеа куршуми, кој ќе разбере, пустината, грчки ли беа, италијански. Куршуми, како сите други куршуми, црни, безимени…

Слегов во визбата, каде што требаше да останеме за време на бомбардирањето. Кога таму што ќе видам, црна јас, бомба, бомба паднала во визбата…

Леле, црна јас, тука ќе ни беше гробот…

Се созедов и си реков:

*«****О мајко мила****, си ме родила среќна да си ги спасам децата!»*

Откако се смирив, погледнав во визбата. Што ќе видам! Пекол! (**Л. Старова. Татковите книги**).

Мајко моја*, ова излезе бетер отколку што очекував* (**С. Мацановски-Трендо. Тредоленд**).

В обзоре этимологических теорий Ю.С. Карпенчук приводит различные точки зрения на происхождение контактных единиц в балканских языках. Многие теории сводятся к тому, что первоначально это были полнозначные лексические единицы, обозначающие лицо, в функции вокатива. Например, **бре** Ст. Младенов возводит к **брате**; происхождение **ма, мари** А. Тодоров-Балан объясняет через старую форму **матерь**; по мнению румынского исследователя А. Чиоранеску рум. **mare** происходит от лат. **mas** ‘мужчина, мальчик, сын’. Наиболее распространенная теория происхождения единиц **море, бре** связывает их с греческим словом **μωρός** со значением ‘дурак, идиот’ в форме вокатива (см. Карпенчук 2001: 52–54; Аргировски 1998: 81–82; 188 и др.). Следует отметить, что вокатив **μωρέ** от прилагательного **μωρός** ‘глупый, неразумный’ в балканской коммуникации использовался, скорее всего, не в прямом значении, на которое ссылается Ю.С. Карпенчук, а в значении

μωρό ‘младенец, грудной ребенок, дитя’ (см. Аргировски 1998: 81–82; 188; Филипова-Байрова 1969: 75).

В македонской лексикографической традиции эти лексемы, как правило, трактуются как междометия (РСХТ; ЗМ (кроме **бе**); РМНП) и как частицы (**море**, **мори** – ИМЈ; **бе** – ЗМ). Среди лингвистов отсутствует единое мнение относительно частеречной принадлежности этих единиц: их относят к междометиям, усилительным частицам при вокативе, к восклицаниям. Все это говорит об их полифункциональности. В связи с этим Ю.С. Карпенчук рассматривает их как 1) самостоятельные обращения; 2) вокативные частицы, сопровождающие обращение; 3) междометия; 4) ритмизующие средства, служащие для разряжения потока информации и выделения логически значимых частей предложения (данная функция способна сочетаться с любой из трех вышеназванных и сближает слова типа **море** с союзами) (Карпенчук 2001: 224–225). Карпенчук считает лексемы типа **море** вокативными и привокативными частицами, говорит также о том, что они могут выступать как междометия. «Это объясняется природой слов типа **more**, выступая в функции самостоятельного обращения, как уже говорилось, они не выполняют идентифицирующую функцию, то есть являются неопределенными обращениями, не называющими истинного адресата. Поскольку основная функция обращения состоит именно в указании на адресата сообщения, то, соответственно, для того, чтобы слова типа **more** выполнили эту функцию, должны существовать такие экстралингвистические условия протекания ситуации общения, которые бы помогали слушателю (одному из слушателей) распознать себя как адресата сообщения. То есть, иначе говоря, благоприятствовали употреблению слов типа **more** в качестве обращения, принимая на себя ответственность за обеспечение правильности идентификации, а, следовательно, и успех коммуникации» (Карпенчук 2001: 216).

При описании контактивных единиц необходимо учитывать их лексико-грамматические, функционально-стилистические характеристики, а также прагматические и социолингвистические условия употребления. На наш взгляд, функционально-прагматический подход к междометиям позволяет рассматривать эти единицы в ряду междометий с учетом того, что в словесной структуре сообщения так или иначе проявляются все коммуникативные функции, причем отсутствует монопольное проявление какой-либо одной функции, и зачастую одну функцию сложно отграничить от другой.

Это отчетливо видно на примере анализа употребления лексем **море** и **мори.** Основная функция, в которой они используются, – фатическая – направленная на установление контакта с собеседником. Чаще всего лексема **море** обращена к лицу мужского пола, **мори** – исключительно к лицу женского пола. При обращении достаточно сложно разграничить конативную и фатическую функции, потому что основное назначение

контактивов – адресация, но в случае фатической коммуникации на первый план выходят прагматико-социальные факторы.

Лексема **мори** используется при установлении и поддержании контакта с одним или несколькими адресатами женского пола при *ты*-коммуникации:

Така го облетуваше и својот уплашен маж, Стреза Деспотовски.

– Да не сакаш ова, ќе му вели, што сакаш да ти месам, да ти зготвам, да ти пригодам. Што да ти донесам, ќе му вели.

– Не сакам ништо, ќе вели Стрезо Деспотовски, а и да сакам не можам да го поземам. Не можам ништо до уста да однесам, ќе вели, гледај како ми се тресат рацеве, прстиве. Не можам дури и да си ги приберам ќе вели.

– Како, ***море****!*

– Така, ***мори****…*

– Зар од едно привидение, толку многу да се изгубиш, му вели жената, ај тргни оттаму умот (**П.М. Андреевски. Сите лица на смртта**).

Что касается лексемы **море**, то она, как отмечалось выше, относится к лицу мужского пола, однако в некоторых случаях адресатом может быть женщина или же группа, состоящая из лиц мужского и мужского и женского пола:

ПАНДЕ (*влегува и уште од врата*) Ајде, давајте ваму што има за да се товари!

МАРА Еве, овој куферов, торбава со леб и јорганов.

ПАНДЕ (*зема една низалка со пиперки и ја става во торбата, а потоа ја става на рамото и го зема куферот*.) А, чекај, дај ми го и јорганот!

МАРА Не можеш, Панде, сè, однеси ги прво нив.

ПАНДЕ Море дај го ваму (*го остава куферот, го зема јорганот на рамо и пак го зема куферот и излегувајќи*) санким ќе го носам преку Ѓавато! (**Р. Крле. Парите се отепувачка**).

Адресация по полу более последовательно проводилась в текстах народно-разговорного характера, в современных текстах гендерная адресация **море** все больше и больше стирается, поэтому лексема **мори** в силу своей адресации к лицам женского пола в меньшей степени развивает дополнительные функции, в большей степени оставаясь именно *вокативно* окрашенной. **Море** – в большой части своих употреблений передает контактивную фатическую эмоцию.

При этом высказывание имеет народно-разговорный или сниженный характер: **АНА** (*на жетварките*.) *Елате* ***мори****, влезете ваму!* (**Р. Крле. Антица**); *Децата легнале на едно снопче ‘ржаница во гумното и се тресат. Како прат над вода се тресат, а лежат на*

*сонце. Гледаат во мене и зборуваат. / – Капинке, **мори**, Звездане, **море**, велам, што правите, прав јас да се направам, што горите на сонцето, им велам* (**П.М. Андреевски. Пиреј**).

Типом адресата в обоих случаях может быть реальный собеседник, а также некий персонифицированный объект (1), животное (2), сакральный адресат (3) и даже сам говорящий при автокоммуникации (4):

(1) *Кога гледа* [чумата – НБ, ЕВ] – *сите ќерки погубени:*

*– Ах, проклети десет браќа, дали ова ми го сторивте мене, чекај сега да видите што ќе ви сторам! Метло **мори**, кај си – дала вик по неа – ела да те вјавнам, оти десетте браќа ми 'и заклаа десетте ќерки* (**М. Цепенков. Петко лајчаро, чумата и син му со самовилското коњче**);

(2) *«**Море** ела ваму, кумчо волчо» му велам. Тој ме гледа и штрака со забите, јас го гледам, ама зорт ме фаќа* (**С. Попов. Ловечка приказна – вистинска вистина**);

*Гарване **море**, црно пиле де!*

Лоша коба кобиш, црни гласје носиш (**Б. Конески. Илинденски мелодии**);

(3) *Ошче малку ќе направа и јас како дедот Гасак, бог да го прости, шо велеше едно време: "И-и-и-и, **море** боже! Не ми даде жена – не ми даде, баре едно детенце да беше ми дал". Та и јас. Виду жена, па почна веднаш и на деца да мисла, - го заврши Илко долгиот разговор со снаа си Митра околу децата…* (**С. Попов. Крпен живот**);

(4) *И Доста веќе си постави задача и син да си «издутне». / «И-и-и-и, човечко око ненаситно,» се прекори сама. – «Дури не ми беше стигната Нешка, ка си веле?: Море, мачe шо е мачe нека ми даде господ, само да е од мое срце. А сега, еве ве, слепела; виде кубаса, па сакаш и крвавица. Те замеша господ во векот со едно, сега ти текнало па за друго. Де, **мори** Доцо, де **мори** вчерашна голтарачко и слугинко светска!»* (**С. Попов. Крпен живот**).

При анализе контактивных единиц необходимо учитывать произошедшие во второй половине XX в. прагматические и социолингвистические изменения в их функционировании. Тексты М. Цепенкова, авторов межвоенных драматических произведений (Р. Крле, В. Ильоского, А. Панова), С. Попова убедительно свидетельствуют, что в XIX в. и в первой половине XX в. **море**, **мори**, **бре** чрезвычайно широко использовались в повседневной коммуникации и были нейтральны в социальном отношении. Так, в сказках М. Цепенкова, отражающих современный великому собирателю узус, контактивы используются по отношению и к царю (5), и к солнцу (6) (в сказках – лицо мужского пола), и к старшему мужчине в семье (отцу, свекру и т.п.), к родителям (7), к незнакомому человеку, социальный статус которого еще не установлен собеседником:

(5) *– Што е, **мори** лисо? – је рекол царот.*

*– **Море** како што е, честити царе, кога сите сватои ми се удаија во батакот, само Тумбурли-бег сум го изваила. Ете кога те милуат, сполај му на Бога, ти го куртулиса, туку те молам: прати еден так'м алишта да го промениме, и една кочија да го донесиме* (**М. Цепенков. Лисицата што му јадеше паспало на воденичаро**);

(6) *– Е, прашај ме што ти рече крушата – му рече сонцето.*

*– Крушата ми рече да те прашам, **бре**, брате сонце, оти никој не јади од незините круши што 'и раѓа* (**М. Цепенков. Богатио чоек што отидна дури до сонцето и се врати**);

(7) *– **Море** татко и ти, мајко, не чудете се толку дека сум го испотил и уморил коњот, маж го вјаат, затоа се потит, туку ја појди ти, мајко, кај царот да му ја посакаш ќерка му за невеста оти сакам да се женам јас* (**М. Цепенков. Попадијата што роди црпче**).

Немаркированность контактивов на предыдущем этапе функционирования контактивов связана с социолингвистической ситуацией того времени и отражавшим ее речевым этикетом, поскольку между носителями языка отсутствовала резкая социальная стратификация и македонское общество не было иерархизировано. В крестьянской общине, в городской чаршии отсутствовала *вы*-коммуникация.

Социальные изменения второй половины XX в., проникновение европейского этикета сказались и на функционировании фатических междометий. В современном дискурсе эти элементы воспринимаются как экспрессивно окрашенные, чаще сниженного характера. Так, в современных пособиях по этикету авторы рекомендуют воздержаться от употребления лексических единиц **море, мори, бе, бре** как грубых и некультурных: «Смешните и недолични обраќања треба да се избегнуваат: **ej**, ти стара, **мори**, **бе**, и слично се недолични изрази и НИКАКО не треба да се употребуваат» (Кљусева, Вавринович 2010: 34); «Затоа трудете се: <…> – да не ги употребувате зборчињата «**бе**», «**бре**» или «**мори**», кои се многу грди – иако во секојдневниот (уличниот, се разбира) говор и во многу наши хумористични емисии сиромашната имагинација се пополнува со овие зборчиња» (Зашова 2004: 81–82). Разумеется, в современном языке фатические междометия являются принадлежностью бытового, дружеского, фамильярного общения и неприемлемы в официальной коммуникации. Однако столь категоричные утверждения авторов не отражают всей комплексности проблематики, связанной с функционированием этих единиц в современном языке. Они употребляются не только в «уличной речи», но, в частности, широко используются в качестве выразительного средства авторами-колумнистами в СМИ. В этом случае находят выражение обе составляющих потенциала контактивов: конативный и фатический компоненты, повышающие воздействующую функцию текста: таким образом

журналист эмоционально выражает свою позицию и апеллирует к потенциальному читателю:

– Ооо, види го што убав е, нели? Личен тој, е баш е разубавен.

– Ааа, не, мене ми е баш малку така троа огрден.

– А бе, вие луѓе слепи да не сте? Не гледате дека е сосема пропаднат?

***Море** теткински муабети, еј! Ќе разберев да зборувавме за Митре, синот на Паца од трети кат, кој се вратил од гурбет, ама за извештај вакви теткински муабети, ич не ми влегува во умот. Убав бил, не бил убав, позитивен е, ма негативен е. Ако воопшто има нешто интересно во тој нивни извештај, тоа е оној заклучок на Европската комисија со кој тие првпат признаваат дека Унијата ќе го загуби својот кредибилитет со своето непринципиелно однесување кон Македонија* (**А. Русјаков. Теткински муабети. Нова Македонија. Бр. 23006. 19.10.2013**).

*Па на плоштад **бре**, да посакаш на шупелка да свириш, ти треба дозвола од МВР.* (**С. Мацановски-Трендо. Тредоленд:** Две прашања за референдум).

*ЕУ, **бе**!* (Название статьи **Р. Рамадани 06.10.2012.** http://www.okno.mk/node/22516).

Также нельзя не отметить наблюдающуюся дифференциацию, специализацию контактивов. Так, **мори**, наиболее редко встречающееся в современном языке, придает высказыванию стилизованный, народно-поэтический характер, используется при стилизации (8); **бре** чаще выступает с преобладающим конативным компонентом, для выражения негативной эмоции, нередко полностью междометизируясь (9); **море** развивает дискурсивную функцию опровержения высказывания собеседника или автокоррекции.

(8) *Неделава не мкнам кеси од пазар, неделава не фрлам ѓубре, резолутно одбивам да ги соберам сметките од дома и да ги платам, не кревам телефони… Ма не фаќам ништо во рака **бре**!* (**С. Мацановски-Трендо. Трендоленд:** Кој ќе ги трпи сега овие).

(9) **Пусто турско...**
Бреза...

(**Нова Македонија 28.11.2011**)

Ю.С. Карпенчук в диссертации подробно анализирует функции единиц типа **море**, исходя из типа высказывания и позиции единицы. Она отмечает, что чаще всего они занимают инициальную позицию, привлекая адресата сообщения к вступлению в контакт. Однако встречаются также в медиальной и терминальной позициях. При этом функции единиц обозначаются в этих случаях только как нейтральная и эмфатическая. Как нам кажется, основное назначение подобных единиц, особенно это касается единиц со стертым адресатом, – это своеобразная «дискурсивная» разметка текста. Маркируется начало новой темы в тексте, автор при этом пытается привлечь внимание собеседника к смене топика или же эмоционально подчеркивает наиболее важные моменты в высказываниях:

– И другие како тебе не се чувствувале така, ама потоа ја сфатија вистината. ***Море****, имаш среќа што имам врски во музејот, инаку сега тука ќе ти ги закопувавме коските!* (**Е. Лафазановски. Романот за оружјето**). Фатик в данном случае выступает, скорее, не в функции вокатива, он служит маркером смены топика, выделения новой, особенно значимой мысли, эмфатизации. При этом имеет фатическую направленность, являясь сигналом собеседнику, помогая ему ориентироваться в отправляемом сообщении.

Часто высказывание с фатическим контактивом по смыслу примыкает к предыдущему. Говорящий как бы спохватывается, уточняет информацию, данную раньше, вдогонку отправляет адресату маркер своего эмоционального отношения к высказанному:

– Дрита! – повикав гласно само што ја здогледав. – Како си? – викав оддалеку. – Ама долго време помина откога не сум те видела! – трчајќи зборував.

– Можеби две, ***море*** *три години. Леле ама времево минува?* (**В. Гаго. Секогаш Ирина**).

Дрвото во рацете на Дедо беше обична глина… ***Море*** *каква глина, еден обичен пластелин од кој можеше да направи што сака.* (**Ј. Владова Измислување на светот или Ликијада**).

Эмоции, которые способны передавать эти единицы, и в функции усилительной частицы, и в функции междометия, направлены на передачу интенсивности чувства (удивления, несогласия, возмущения и т.п.):

Еден помлад го послушна стариот дека се токми за во рајот, па му се обрна:

– ***Море*** *каков рај за вас со дедо Боја? сите невести пиштеа од вас на млади години, а сега рај барате. Нема, дедо, нема! И сиренце во петок и млади невести и душа во рај. Ќе вриете во вечна вие таквите, затоа не лажи се, не оди кај него. Пишман ќе бидеш!* (**С. Попов. Раскази: Бачило во рајот**).

– Еда, што ти стана толку што зина, ѝ велам, и што остана толку зината?

– Е, Давиде, ми вели Маса Ќулумоска, многу си бил уплашен. Олку уплашен човек досега нема дојдено кај мене, ми вели. Ќе видиш сега, ко ќе пропаднат плочиве, ми вели. И, еда, клавање плочите во ваганката со вода, ***море*** *вриење, клокотење, да му бам мајката, дури и ваганката се покрева и вода префрла преку венче.*

– Гледаш, вели, ова стравот твој бега преку ваганка (**П.А. Андреевски. Пиреј**).

Чисто междометное использование контактивов наблюдается в следующих примерах, очень часто междометие в подобных случаях выступает как самостоятельное высказывание, сопровождаясь частичной или полной редупликацией:

ФРОСА *(им ги фаќа и тргнува рацете.) Што се срамите, речете му на крсников со здравје. Спасо, да пукнеш, ти барем си поголема, речи!…*

МИТРЕ *Остави ги децата, не знаат, мали се.*

ФРОСА *Ако, нека се учат. (Ја растресува Спаса.) Речи, мор!…*

СПАСА *Со здравје (Се засрамува и се позаврtува криејќи го лицето.)*

ФРОСА *А така. Речи и ти, Тане!*

ТАНЕ *(како и Спаса.) Со здравје…*

ДЕПА *А, така! Ај, да сте живи. Вас да ви дојде со здравје татко ви.*

АНЃЕЛЕ *Да го поздравам ли татка ви? Кај него ќе одам!*

ФРОСА *Речете: да го поздравиш! Ај, речете оти не ќе ви праќа ни пари ни тутурка да свирите…*

АНЃЕЛЕ *Јас ќе му речам на татка им дека се многу умни и да прати пешкежи за Спаса и за Танета; за Спаса кукла голема со коси та кога ја навали да спие, а коне ја исправи да гледа; а на Танета, да му прати еден костим граѓански алишта, една топка за да си игра и една музика да си свири. (Спаса и Тане се гледаат еден со друг и се потсмевнуваат.)*

КОТЕ Море, море… *ќе се рече многу ги љубел!*

ФРОСА *Ги љуби, ами како. Затоа пак и тие го љубат…* ***(Р. Крле. Парите се отепувачка)***

ПАНДЕ *Рековме: рибата од главата се смрдува!*

ДЕПА *Море, ниме немаме касмет, вака сме се родиле и вака ќе се искинеме. Ќе нѐ јаваат дојавање… Попустина само што си правиме муабети: вака ќе биде, онака ќе биде. Откако се знам, а еве преку шеесет ги имам, само тоа се збори и до ден денешен никому ништо. Кој си ја има силата си прави, а вие ништо не можете ни да сторите ни да направите. Толкумина ги имаат оставено коските по планините и сѐ за бадијала. Море луѓе, за маки сме родени! Да беше така – не ќе беше вака!*

ПАНДЕ *Море, ќе ги откорнеме, само не знам кога!…*

МАРА *Кога ќе изгине светот.*

МИТРЕ *Еее… ништо не бива со лес… (ја нишка главата.)* ***Мореее****… ќе им дојдеме доака, туку што рече женава: «Откако ќе изгине народот». А ќе им дојдеме доака, и нас ќе ни дојде умот!* (**Р. Крле. Парите се отепувачка**).

Однако даже при употреблении контактивов в эмоциональной функции не происходит полного стирания адресации, как в случае с обыгрыванием первоначального значения междометного выражения:

Оф, мори мајко*, си мислам, сите во маката бараме мајка. Мајка да не се најде. И да ја влечеш по земјата мајката, со кукачка да ја влечеш, таа пак ќе те жали* (**П.М. Андреевски. Пиреј**).

Кроме того, в текстах народно-разговорного характера контактивы часто выступают в качестве ритмизующего средства, поэтического заполнителя пауз в речи, в функции союзных слов. Однако при этом значение его не нейтрально, при перечислении каждый элемент особо выделяется и подчеркивается, собеседника (в данном случае читателю) предлагается оценить каждый перечисляемый предмет:

Еден поеден почнаа по мракот да се збираат у Сукаловци. ***Море*** *нункото,* ***море*** *деверот,* ***море*** *другари браќа – братучеди и по некој пријател* (**С. Попов. Крпен живот**).

Как показывает анализ материала, в современном македонском языке фатические контактивы не имеют жесткой привязанности к адресату мужского или женского пола в отличие от ситуации в текстах народно-разговорного характера XIX – начала XX вв. В современном разговорном и публицистическом дискурсе фатики воспринимаются как элементы снижено-разговорного, пейоративного характера.

Происхождение от полнозначных элементов обусловливает использование контактивов в качестве самостоятельных обращений, усилительных эмоциональных частиц при обращениях. В ряде случаев происходит интеръективация лексемы и ее использование в роли эмотивного междометия. Эмоции, которые передают фатические междометия, направлены на интенсивность чувства, а его негативная или позитивная окраска обусловлена контекстом. В некоторых текстах фольклорного характера лексемы **море** и **мори** выступают в качестве союзных слов, обладающих эмоциональной окраской. При этом фатические единицы во всех своих функциях всегда направлены на контакт, они размечают сообщение с целью подчеркнуть важные его моменты для собеседника, осуществляют топикализацию сообщения, сохраняя при этом «тень» адресного употребления единицы: *я к тебе обращаюсь*, *я тебя имею в виду как слушателя*.

Использованная и цитируемая литература:

Аргировски М. Грцизмите во македонскиот јазик. Скопје: Институт за македонски јазик, 1998. – 312 с.

Боронникова Н.В., Верижникова Е.В. Текстовая функция междометий в лингвистическом и художественном наследии Блаже Конеского. – В печати.

Боронникова Н.В., Верижникова Е.В. Проблема лексикографического описания междометий // Филологические заметки. 2013. – Вып. 11. – Ч. 1. – С. 1–16. – http://philologicalstudies.org.

Зашова Л. Убавото однесување. – Скопје: Форум, 2004. – 225 с.

Карпенчук Ю.С. Слова типа *more* в функции обращения как проблема балканского языкознания: На материале албанского и новогреческого языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Санкт-Петербург, 2001. – 340 с.

Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дисс. … канд филол. наук. 10.02.01. – Москва, 2011. – 325 с. – http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf .

Кљусева Н., Вавринович Н. Убави манири. 4. изд. Скопје: Нампрес, 2010. – 112 с.

Филипова-Байрова М. Гръцките заемки в съвременния български език. София, 1969. 467 с.

Шмелев А.Д. Парадоксы адресации // Логический анализ языка. Адресация дискурса. – М., 2012. – С. 135–148.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: „за“ и „против“. – М.: Прогресс, 1975. – http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm.

Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics. – North-Holland, 1992. 19 (1992). – P. 101–118.

Matras Y. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // Linguistics, 36 2(1998) – P. 281–331.

Словари:

ЗМ: *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. – Скопје, 2005. XV. – 948 с.

РМНП: Речник на македонската народна поезија. / Под редакција на Т. Димитровски. – Скопје, 1983. Т. I: А–Г. – 452 с.; Скопје, 1987. Т. II: Д-S. –506 с.; Скопје, 1993. Т. III: И-К. – 529 с.; Скопје, 2001. Т. IV: Л-М. – 379 с.

РСХТ: Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. – Скопје, 1961. Т. I: А-Н. – 510 с.; Скопје, 1965. Т. II: О-П. – 595 с.; Скопје, 1966. Т. III: Р-Ш. – 606 с.

ИМЈ: Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. – Скопје, 2003, Т. I: А-Ж. – 637 с.; Скопје, 2005. Т. II: З-К. – 675 с.; Скопје, 2006. Т. III: Л-О. – 613 с.; Скопје, 2008. Т. IV: П. – 680 с.; Скопје, 2011. Т. V: Р-С. – 623 с.

Источници:

Андреевски Петре М. Пиреј. – Скопје: Три, 2009. – 252 с.

Андреевски Петре М. Сите лица на смртта. – Скопје: ЗУМПРЕС, 1994. – 198 с.

Владова Јадранка. Измислување на светот или Ликијада. – Скопје: Култура, 2002. – 133 с.

Крле Ристо. Антица. / Македонската драма меѓу двете светски војни. II книга. Приредил Александар Алексиев. – Скопје: Македонска книга, 1976. – С. 91– 180.

Крле Ристо. Парите се отепувачка. – Скопје: Едиција драма, 1976.

Колбе Кица Б. Снегот во Казабланка. Битола: НИД «Микена», 2008. 366 с.

Лафазановски Ермис. Романот за оружјето. – Скопје: Магор, 2003. – 171 с.

Попов Стале. Крпен живот. – Скопје: Кочо Рацин. Прв дел. 1953. – 383 с.

Попов Стале. Собрани дела. Т. 10. Раскази. Прв том. – Скопје: Наша книга, 1976. – 298 с.

Гаго Виктория. Секогаш Ирина. – Струга: Савеска К., 2005. – 255 с.

Мацановски Сашо – Трендо. Тредоленд. – Скопје: Табернакул, 2011. – 680 с.

Старова Луан. Татковите книги. – Битола: Микена, 2008. – 239 с.

Цепенков Марко К. Македонски народни приказни. Книга прва. – Скопје: Македонска книга, 1989. – 451 с.

Наталија Бороникова (Перм), Елена Верижникова (Москва)

Фатичката функција на извиците во македонскиот јазик
(врз примери на извиците „море“ и „мори“)

Фатическите извици се користат за воспоставување и одржување на комуникација. Во оваа група спаѓаат вокализациите, кои го изразуваат односот на говорителот кон контактот. Поконкретно, тука можеме да ги сместиме сигналите за поддржување на комуникативната врска, сигналите за времени пречки во создавањето на говорот (хезитација) итн. Во рефератот се разгледуваат фатичките единици од контактен карактер „море“ и „мори“.

Анализата на материјалот покажува дека во современиот македонски јазик фатическите контактиви „море“ и „мори“ не се цврсто приврзани кон адресатот од машки или женски пол. Оваа ситуација се разликува од ситуацијата во текстови од народен разговорен карактер од крајот на 19. – почетокот на 20. век. Во современиот разговорен и публицистички дискурс фатиките „море“ и „мори“ се сфаќаат како елементи кои имаат разговорно пејоративен карактер.

Потеклото на контактивите од значенските зборови ја определува нивната употреба во улога на самостојни обраќања, засилувачки партикули при вокативите. Во редица случаи се набљудува интерективација на лексемата и нејзино користење во улога на емотивен извик. Емоциите, предадени преку фатическите извици, главно се однесуваат на интензивноста на чувството, додека неговото позитивно или негативно дефинирање зависи од контекстот. Во фолклорните текстови лексемите „море“ и „мори“ се јавуваат како сврзници, ритмички дополнувања на паузите, кои имаат емоционално значење. Притоа, фатическите единици во сите свои функции секогаш се поврзуваат со контактот, тие ја определуваат пораката со цел да се нагласат моментите кои се важни за примачот. Исто така тие го топикализираат соопштението, зачувувајќи ја „сенката“ на адресната употреба на единицата: „тебе ти се обраќам, тебе те имам предвид како слушател.“